
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₈₎

ВЕСНА — ЛЕТО
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН 5
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой, под редакцией и с предисловием Т.А. Пан Имру' аль-Кайс. Му'аллака. Перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала 9 24
- Имруулькайс. Муаллака. Литературный перевод с арабского языка А.А. Долининой, предисловие Вал.В. Полосина 33
- Сутра Махаяны, именуемая «Наставление [касательно] предсказания, [данного царю] Аджитасене». Предисловие и перевод с санскрита М.И. Воробьевой-Десятковской, С.Х. Шомахмадова 39
- «Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в. Перевод с малайского языка и вступительная статья Л.В. Горяевой 51
- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле»). Предисловие, транслитерация, перевод с санскрита и комментарии С.Л. Бурмистрова 65

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев. Новый Завет в коптском «Апокалипсисе Петра» (*Nag Hammadi Codex VII. 3: 70.13–84.14*) 79
- Ю.А. Иоаннесян. Некоторые аспекты «возвращения», или «второго пришествия» в религиозных учениях 83
- И.А. Алимов. Заметки о сяошо: «Юй линь» 99
- Н.С. Яхонтова. Санскритско-тибетско-монгольские параллели: эпитеты рек 109
- Р.Ю. Почекаев. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» 123
- И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов позднешумерского периода) 138

<i>И.С. Гуревич.</i> Грамматическая стилистика буддийских текстов: синтаксические ресурсы (связка 是; анафора и эпифора)	149
<i>Д.В. Цолин.</i> Перифрастические формы императива и юссива в арамейском языке таргумов	159

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>М.А. Гизбулаев.</i> Сира в арабской литературе Дагестана. Арабская рукопись XVIII в. «Васаил ал-лабиб 'ала фадаил ал-хабиб»	170
<i>С.М. Якерсон.</i> Карасубазарский кодекс «Поздних Пророков» в собрании ИВР РАН (D 62). Заметки к его истории, локализации и датировке	176
<i>О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев.</i> Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)	190
<i>Мунхцэцэг Энхбат.</i> Маньчжурская «парная надпись» из коллекции Национальной библиотеки Монголии	198

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>В.Ф. Минорский.</i> Курды — потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии <i>З.А. Юсуповой</i>	206
<i>С.И. Марахонова.</i> Институт Гарвард-Яньцзинь и образовательная политика США в Азии в 1930–1950-е годы (по источникам архивов Кембриджа, США)	212
<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Анонимный перевод первой главы трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» из Архива востоковедов ИВР РАН	223
<i>С.С. Сабружова.</i> Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А.М. Позднеева	236
<i>М.В. Фионин.</i> Греческая рукопись D-227 из собрания ИВР РАН (археографический анализ)	242
<i>Морисита Нобуко.</i> Практические сведения для поиска арабских и персидских рукописей в разных странах (на англ. яз.)	247
<i>Е.В. Гусарова.</i> Вячеслав Михайлович Платонов (1941–2012) — исследователь эфиопских рукописей	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Зорин.</i> Первые петербургские тибетологические чтения	274
<i>В.В. Щеткин.</i> «Невские чтения»: международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского	276
<i>А.В. Зорин.</i> V Международный семинар по тибетологии в Пекине	278
<i>Т.В. Ермакова.</i> Шестые всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	282
<i>С.Ю. Рыженков.</i> Четвертая международная конференция «Культура Семи мудрецов из бамбуковой рощи» 第四届“竹林七賢文化”國際學術研討會. КНР, Юньтайшань 雲台山 (24–25 ноября 2012 г.)	286
<i>Т.А. Пан.</i> Немецко-русская рабочая конференция по изучению Центральной Азии, 14–15 марта 2013 г., Берлин (Германия)	289

На четвертой сторонке обложки:

Еврейская библия из коллекции ИВР РАН, шифр D-62

Над номером работали:

Г.О. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Проница

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. 1: Сборник статей и интервью. — М., ГМВ, 2012. — 224 с., илл. (<i>И.В. Кульганек</i>)	291
<i>Т.Г. Скороходова.</i> Бенгальское Возрождение: Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философии Нового времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 320 с. (<i>С.Л. Бурмистров</i>)	293
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с. (<i>Е.П. Островская</i>)	297

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	303
Евгений Александрович Серебряков (1928–2013) (<i>Д.И. Майцкий</i>)	307

И.Т. Канева

Вставные предложения

(на материале текстов позднешумерского периода)

В текстах позднешумерского периода, как и в текстах предшествующих ему старошумерского¹ и новошумерского периодов², продолжал использоваться прием вставки в предложение добавочных замечаний, попутных уточнений, разъясняющих содержание предложения в целом или его отдельного члена, который осуществлялся с помощью вставных предложений. В исследуемых здесь текстах представлены те же типы вставных предложений, что и в предшествующие периоды, и также наблюдается пропуск самостоятельных личных местоимений в роли поясняемых членов основных предложений (пока обнаружены случаи только с местоимениями 1 л. ед.ч.). Опущение личных местоимений компенсируется присутствием в сказуемых соответствующих личных показателей. Отдельно в конце статьи приведены и проанализированы предложения, расположенные на исходе другого, но близкие вставным по своему содержанию и отсутствию грамматически выраженной связи с предшествующим предложением.

Ключевые слова: шумерский язык, грамматика, синтаксис, вставные предложения, способы вычленения, структура, позиция.

Позднешумерский период в истории развития шумерского языка (2000–1600 гг. до н.э.), письменные памятники которого привлекаются здесь в качестве материала, отличается от предшествующих ему старошумерского (2500–2350 гг. до н.э.) и новошумерского (2150–2000 гг. до н.э.) периодов тем, что к его началу шумерский перестал быть живым разговорным языком и превратился в официальный язык школы, храма и канцелярии. Многочисленные клинописные тексты на шумерском языке, дошедшие до нас от этой эпохи, переписывались и составлялись носителями другого, неродственного шумерскому аккадского языка.

Высокая степень развития клинописной системы письма, достигнутая к этому времени, и, как следствие этого, более тщательное выписывание грамматических показателей, а также слабое влияние аккадского языка делают письменные памятники позднешумерского периода ценным источником для грамматических исследований.

Корпус, на базе которого проводится здесь изучение вставных предложений, включает в себя тексты разнообразного содержания: мифы, эпос, гимны, царские надписи, плачи, проклятия, а также правовые и деловые документы. Основная масса литературных произведений представляет собой копии ранее созданных произведений.

В статьях о вставных предложениях, опубликованных нами ранее, уже говорилось о критериях, с помощью которых они выделяются в шумерском. В языках с выработанной системой знаков препинания вставные предложения обособляются тире или

¹ Канева И.Т. Вставные предложения (на материале шумерских хозяйственных текстов) // ППВ. 2(11). 2009. С. 153–159.

² Канева И.Т. Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода) // ППВ. 1(16). 2012. С. 64–74.

закрываются в круглые скобки. К шумерским письменным памятникам этот объективный (для исследователя) критерий неприменим, поскольку знаки препинания в нем отсутствуют. Для определения вставочного характера предложения в шумерском решающими являются следующие обстоятельства: предложение разрывает синтаксическую одноплановость сообщения, внося дополнительную информацию, вызванную содержанием всего сообщения или отдельного его члена, и связь этого предложения со всем сообщением не получает грамматического выражения.

Используя эти критерии, довольно легко вычленив вставные предложения, занимающие позицию внутри основного. В других языках эти предложения могут располагаться и на исходе основного. В шумерских письменных памятниках существуют предложения, находящиеся в конце другого и совпадающие со вставными по своему содержанию и отсутствию грамматически выраженной связи с предшествующим предложением. Определить статус этих предложений (вставные или самостоятельные) уже трудно, но, поскольку они представляют определенный интерес, показалось целесообразным привести их здесь, выделив в отдельный пункт и поместив его в конце статьи.

Описание вставных предложений строится в данной статье по той же схеме, что и в ранее опубликованных работах, а именно: вставные предложения распределяются по типам, которые устанавливаются, во-первых, по числу названных в них компонентов — предложения с двумя названными членами (подлежащее³ и сказуемое) и предложения с неназванным подлежащим, и, во-вторых, по виду сказуемого — глагольные и связочные предложения.

Вставные предложения с двумя названными членами

По виду сказуемого эти предложения могут быть глагольными и связочными. Обратимся вначале к глагольным.

Глагольные вставные предложения с двумя названными членами

1. kin-gi₄-a en-aratta^{ki}-ke₄ ka-ni-gin₇ inim ka-na ba-an-si sún-gin₇ háš-a-na mu-un-gur [ELA 295–297]. «Гонец (владыка Аратты послание, как из собственных уст, в его уста вложил), точно дикая корова, взбрыкнул»⁴.

В этом примере предложение kin-gi₄-a ... sún-gin₇ háš-a-na mu-un-gur «Гонец ... точно дикая корова, взбрыкнул» оказывается разорванным за счет включения в его состав другого: en-aratta^{ki}-ke₄ ka-ni-gin₇ inim ka-na ba-an-si «владыка Аратты послание, как из собственных уст, в его уста вложил». Вставленное предложение по своему содержанию близко к придаточному времени, но не является таковым, поскольку его связь с предложением-«реципиентом» грамматически не выражена. Основываясь на содержании этого предложения, его позиции и на отсутствии грамматически выраженной связи с предложением-«реципиентом», определяем его как вставное.

2. u₄ šu-bal aka-dè giš-hur ha-lam-e-dè u₄-dè mar-ru₁₀-gin₇ ur-bi i-gu₇-e me ki-en-gi-ra šu-bal aka-dè ... inim du₁₁-ga an^d-en-líl-lá-ta giš-hur ha-lam-e-dè u₄ an-né kur-kur-ra sag-ki ba-da-an-gíd-da-ba^d en-líl-le igi-ni ki-kúr-ra ba-an-gar-ra-a-ba ...^dutu har-ra-an kaskal-e

³ Термин «подлежащее» употреблен здесь лишь для облегчения изложения. В шумерском как в языке эргативного строя профилирующим является противопоставление двух конструкций предложения — эргативной и абсолютной. Соответственно, для обозначения подлежащего в эргативной конструкции (имя в эргативном падеже, показатель /-e/) используется термин «агенса», а для обозначения подлежащего в абсолютной конструкции (имя в абсолютном падеже, показатель /-0/) — термин «субъект».

⁴ В предлагаемой работе вставные предложения выделяются на письме: в транслитерации — курсивом, в переводе — курсивом и круглыми скобками.

nam ba-an-kud-a-ba ki-en-gi-ra me-bi ha-lam-e-dè giš-hur-bi kúr-ru-dé ... an ^den-líl ^den-ki ^dnin-mah-bi nam-bi ha-ba-an-tar-re-eš (LDSU 1–55). «Чтобы переменить время, чтобы нарушить предначертания (*ураган, как (когда-то) потоп, все уничтожит*), чтобы изменить обряды Шумера ... чтобы по приказу, данному Аном (и) Энлилем, нарушить предначертания (как это случилось) (*когда Ан разгневался на все чужие страны, когда Энлиль обратил свой взор на враждебные земли*) ... (*когда Уту наслал проклятия на пути (и) дороги*), чтобы погубить обряды Шумера ... Ан, Энлиль, Энки и Нинмах воистину определили такую судьбу».

Приведенный пример взят из литературного текста «Плач о разрушении Шумера и Ура». Текст начинается с цепочки оборотов с глагольным именем, снабженным суффиксом /-ed/ (выражает модальность) и показателем локативно-терминативного падежа /-e/ в качестве ведущего члена. Обороты такого типа зависят либо от финитной глагольной формы, либо от существительного. В случае соотносительности с глагольной формой они получают значение инфинитива цели (при одном и том же подлежащем) или придаточного цели (при разных подлежащих). Оборот, зависимый от имени, определяет его, выражая его цель или предназначение.

В нашем примере цепочка оборотов в двух местах оказывается разорванной за счет включения в ее состав нескольких предложений. При такой ситуации возникает вопрос, с чем соотносятся эти предложения — с оборотами, за которыми они следуют, или со всем предложением⁵.

Обороты, перечень которых не разрывается предложениями, безусловно соотносятся с финитной глагольной формой *nam-bi ha-ba-an-tar-re-eš*. Эта форма образована от застывшего устойчивого сочетания, состоящего из имени существительного *nam* «судьба» и глагола *tar* «решать». Такие сочетания в исследованиях по шумерскому языку называются составными глаголами.

Компоненты этих сочетаний сохраняют лексическую самостоятельность — каждый из них имеет собственное морфологическое оформление. В нашем случае слово *nam* оформлено энклитикой /-bi/. Эта энклитика используется в шумерском в двух качествах — как притяжательное местоимение 3 л. ед.ч. класса неодушевленных «его» и как указательное «этот». Существует мнение, что указательное значение этого форманта является вторичным, развившимся из его первоначального — притяжательного (Jagersma, 2010, P. 224). Именная часть сочетания *nam-tar* может иметь при себе определения, например: *nam-urú-na tar-re-dè* (MNS 65:7) «чтобы определить судьбу своего города», где *nam-urú-na* (*nam-urú-ani-ak*) генетивное сочетание с вершинным словом *nam* «судьба» и зависимым словом в генетиве *urú-ani-ak* (показатель генетива) «его города».

Учитывая сказанное выше, вовсе не исключено, что обороты соотносятся не со всей финитной глагольной формой, а с ее именной частью *nam*, выступая по отношению к ней в роли определения, ср., например: *še gu₄-dè gu₇-dè* (*še gu₄(d)-e gu₇-ed-e*) (AWL 27 I 2) «зерно, чтобы быки могли есть», т.е. фуражное зерно.

Теперь обратимся к тем предложениям, что разрывают цепочку оборотов. Начнем не с первого предложения *u₄-dè mar-ru₁₀-gin₇ ur-bi i-gu₇-e*, а с тех, которые следуют ниже: *u₄ an-né kur-kur-ra sag-ki ba-da-an-gid-da-ba ^den-lil-le igi-ni ki-kúr-ra ba-an-gar-ra-a-ba ... ^dutu har-ra-an kaskal-e nam ba-an-kud-a-ba*. Эти предложения структурно

⁵ Представляется, что весь приведенный пример — это одно предложение, организованное по схеме: обороты — однородные подлежащие (*an ^den-líl ^den-ki ^dnin-mah-bi*) — сказуемое (*nam-bi ha-ba-an-tar-re-eš*). Издатель текста, из которого взят этот пример, П. Михаловский (LDSU P. 37) полагает, что первые две строчки *u₄ šu-bal aka-dè giš-hur ha-lam-e-dè u₄-dè mar-ru₁₀-gin₇ ur-bi i-gu₇-e* составляют отдельное предложение.

идентичны. Они начинаются с имени u_4^6 , по отношению к которому следующие за ним слова представляют собой определительные придаточные предложения. Сказуемые этих предложений (финитные глагольные формы) снабжены показателем номинализации /-a/, энклитическим указательным местоимением /-bi/ «этот», «тот» и показателем локатива /-a/. Проиллюстрируем это на примере первой финитной глагольной формы *ba-da-an-gid-da-ba* (*ba-da-n-gid-a-bi-a*), где местоимение и падежный показатель соотносятся с вершинным словом u_4 «день». Перевод первого из ряда однородных придаточных определительных предложений буквально звучит так: «В те дни, когда бог Ан разгневался на все чужие страны». Предложения, оформленные таким образом, используются в шумерском в качестве придаточных времени, а конструкция u_4 ... *a-bi-a* — в качестве подчинительного союза «когда» или «после того как».

Предложения, по содержанию и способу связи с главным совпадающие с только что рассмотренными, обычно используются в зачине многих шумерских литературных произведений, например:

3. u_4^7 an-né an ba-an-de₆-a-ba ^den-líl-le ki ba-an-de₆-a-ba ... ba-u₅-a-ba ba-u₅-a-ba a-a kur-šè ba-u₅-a-ba ^den-ki kur-šè ba-u₅-a-ba lugal-ra tur-tur ba-an-da-ri [GEN 11–17]. «После того как Ан забрал небеса, после того как Энлилль забрал землю ... после того как он отправился, после того как он отправился, после того как отец к подземному миру отправился, после того как Энки к подземному миру отправился, на господина маленькие (камни) полетели».

В этом примере сообщение начинается с цепочки однородных придаточных времени, связь которых с главным оформлена таким же образом, как в примере 2. Придаточные предложения определяют временные рамки действия, о котором говорится в главном, а именно указывают на то, что оно последовало после того, как совершилось действие в придаточном.

4. sag-ki gid ^den-líl-lá-ke₄ kiš^{ki} gu₄-an-na-gin₇ im-ug₅-ga-ta ... ^dinanna-ke₄ ... ul-maš^{ki}-a ^{gis}gu-za im-ma-an-dù-dù (CA 1–8). «После того как гнев Энлилля сразил город Киш, как небесного быка ... Инанна ... в Ульмаше воздвигла трон».

Здесь придаточное времени также предшествует главному. Его связь с главным осуществляется с помощью падежного показателя /-ta/, который, присоединяясь к номинализованному сказуемому⁸ придаточного, получает значение союза «после того как». Временные отношения между главным и придаточным носят тот же характер, что и в примере 3.

Необычная для такого рода придаточных времени позиция в примере 2 — внутри главного, а не в его начале, — возможно, свидетельствует об ослаблении их временного значения и превращает их в вид вставки⁹. Создается впечатление, что во время составления этой части текста его автор вспомнил о событиях, схожих с теми, что описываются в предшествующем обороте, и известных ему из других литературных памятников, и он, сопоставив их, посчитал нужным внести в наш текст некоторые уточнения. Возможно, по тому же принципу ассоциации вставлено и другое предложение, разрывающее цепочку оборотов выше u_4 -*dè mar-ru*₁₀-*gin*₇ *ur-bi i-gu*₇-*e*.

⁶ В следующих предложениях это слово как повторяющийся член опускается.

⁷ Как и в примере 2, слово u_4 «день» выписывается только в первом предложении.

⁸ Номинализация сказуемого осуществляется в результате его оформления показателем номинализации /-a/.

⁹ Как известно, в других языках вставные предложения по способу их включения в состав основного могут совпадать с придаточными, например, связываться с ними при помощи союзов. Но в любом случае они отличаются от придаточных предложений большей самостоятельностью, а также тем, что их связь с основным предложением независимо от значения союза носит оттенок присоединительного значения.

Приведем следующий не учтенный ранее пример из царской надписи староаккадского (саргоновского) периода (2350–2113 гг. до н.э.).

5. ^dnanše-... ra ^dutu-hé-gál lugal-an-ub-da-limmu₅-ba-ke₄ ki-sur-ra lagaš^{ki} lú-uri^{ki}-ke₄ inim bi-gar šu-na mu-ni-gi₄ (RIME 2 P. 281:1). «Богине ... Нанше Утухегаль, царь четырех стран света, границы Лагаша (*человек Ура предъявил на них претензии*) в ее руки вернул».

Связочные вставные предложения с двумя названными членами

В связочных предложениях сказуемое состоит из именной части и глагольной связки. Роль глагольной связки выполняют финитные глагольные формы, образованные от глагола те «быть». Формы, утратившие префикс ориентации, обязательный для финитных форм, присоединяются к именной части в виде энклитик, а формы, сохранившие его, функционируют как самостоятельные.

6. ^{sag}ir(ad) PN₁ tu-bi-im ir(ad) PN₂ ki PN₂ PN₃ in-ši-sa₁₀ (Рифтин, 1937, 25:1–5). «Раба (*имярек₁* — *его имя*), раба имярека₂, у имярека₂ купил имярек₃».

7. in-nin₉ ^dama-ušumgal-an-na šim-zi-da-ni¹⁰ ^dinanna nin-kur-kur-ra-ke₄ en-me-er-kár dumu-^dutu-ra gù mu-na-dé-e (ELA 66–68). «Инин (*Амаушумгаль* — *ее благовоние*), Инанна, владычица всех стран, говорит Энмеркару, сыну Уту».

Вставные предложения с неназванным подлежащим

Опущение подлежащего во вставных предложениях происходит в тех случаях, когда оно выражено самостоятельным личным местоимением. Пропуск личных местоимений для шумерского является синтаксической нормой. Своим существованием она обязана стремлению к экономии языковых средств, поскольку личные местоимения в любой синтаксической функции почти всегда находят выражение в сказуемом посредством соответствующих личных показателей.

Глагольные вставные предложения с неназванным подлежащим

Во вставных предложениях этого типа неназванные подлежащие находят выражения в финитных глагольных формах посредством соответствующих личных показателей.

8. anše-bára-suru₅-e um-mi-in-suru₅ anše-bal-e da-bi-a ba-an-si lugal en-geštú-dagal-la-ke₄ ... har-ra-an-aratta^{ki}-ke₄ si bí-in-sá (ELA 330–334). «После того как он нагрузил (мешки с зерном) на вьючных ослов (*что касается запасных ослов, то он поместил их рядом с ними*), царь, обладатель громадного ума... направил их по пути в Аратту».

В этом примере содержатся три предложения. В первом из них финитная глагольная форма снабжена показателем наклонения побуждения, допущения /ù-/. При передаче последовательности действий (а именно она наблюдается в нашем примере) предложения с подобными глагольными формами выступают в роли эквивалентов придаточных времени. Отсутствие форманта /ù-/ в глагольной форме второго предложения свидетельствует о том, что оно не участвует в передаче последовательности действий, а скорее соотносится с первым предложением, сообщая дополнительные сведения, т.е. является вставным. Неназванное подлежащее выражено в финитной глагольной форме *ba-an-si* (*ba-n-si*) в виде личного показателя 3 л. ед.ч. совершенного вида /-n-/.

¹⁰ Предполагается, что на исходе этого слова оказалась не выписана энклитическая глагольная связка /-am/.

Связочные вставные предложения с неназванным подлежащим

В этих предложениях в роли показателя неназванного подлежащего выступает энклитическая глагольная связка. Связочные вставные предложения с неназванным подлежащим, засвидетельствованные в текстах позднешумерского периода, по своей позиции, содержанию и структуре идентичны таким же предложениям, обнаруженным в текстах старошумерского и новошумерского периодов.

Старошумерский период

9. X ... ku₆ ku₆-gán-ka-gal-kam (ku₆-gán-ka-gal-ak-am) PN mu-de₆ (AWL 139 II 2–5) «X ... рыб (это — рыбы (арыков) поля Ганакаль) имярек принес».

В этом примере цель составителя текста — сообщить о количестве доставленных рыб. Попутно он приводит сведения о том, где именно были выловлены эти рыбы.

Новошумерский период

10. PN₁ dumu-PN₂-gudá tu-tu-zu i-me-àm PN₃ dumu-PN₄-gudá-ke₄ [b]a-an-tuku (NG 6:2–4). «Имярек₁, дочь имярека₂, жреца „гуда“, (она — вдова) имярек₃, сын имярека₄, жреца „гуда“, взял в жены».

Для судебного документа, из которого взят этот отрывок, главное — зафиксировать факт бракосочетания двух лиц. Сообщение о том, что невеста была вдова, явно вторично и является вставкой.

Позднешумерский период

11. min-kam-ma-šè^d sin^d en-ki^d inanna^d ninurta^d iškur^d utu^d nusku^d nisaba dingir hé-em-te-eš^{ki} uru^{ki}-šè igi-ne-ne i-im-gá-gá-ne (CA 222–223). «Вновь Син, Энки, Инанна, Нинурта, Ишкур, Уту, Нуску, Нисаба (они — воистину великие боги) к городу свои взоры направляют».

Функционирование вставных предложений подобного типа в качестве средства передачи дополнительных сведений о члене основного предложения подтверждается случаями употребления на той же позиции и с той же целью имен существительных (одних или с зависимыми словами), присоединяемых к поясняемому ими слову по принципу приложения.

12. u₄-ba^d sin^d en-ki^d inanna^d ninurta^d iškur^d utu^d nusku^d nisaba dingir-gal-gal-e-ne šà-en-líl-lá-ke₄ a šed₁₀ im-šed₁₀-e-ne (CA 210–211). «Тогда Син, Энки, Инанна, Нинурта, Ишкур, Уту, Нуску, Нисаба, великие боги, охлаждают (злое) сердце Энлиля холодной водой».

Эти два способа передачи дополнительных сведений различались, скорее всего, по степени эмоционального включения составителя текста в передаваемое им сообщение. Посредством вставных предложений информации придавалась большая смысловая нагрузка.

13. šeš ku-li-gu₁₀ šul^d utu-àm é-gal an-né ki-gar-ra-àm kaš hu-mu-un-di-ni-na₈ (Šulgi D 79–80) «С моим братом (и) другом (он — герой Уту) во дворце (он заложен Аном) я пил пиво».

14. lugal-bàn-da lú nutun-e ki-ág- àm šu nu-um-ma-gíd-dè (LE 141) «Лугальбанда (он — человек, любящий семя) не принимает (это)».

15. an ki-nat-tar-tar-[ra] na-nat na-nat [dingir-an-na[?]] ba-su₈-su₈-ge-[eš] (Šulgi A 59). «На небеса (они — воистину место решения судеб) пришли боги небес».

16. PN₁ tu-ni-im dumu PN₂ ki PN₃ ama-ni PN₄ in-ši-in-sa₁₀ (Рифтин, 1937, 24:1–4). «Имярека₁ (это — его имя), сына имярека₂, у имярека₃, его матери, имярек₄ купил».

В приведенных примерах со связочными вставными предложениями с неназванным подлежащим члены основных предложений, поясняемые вставными, выражены

именами существительными. Само собой разумеется, что в той же роли могли выступать и самостоятельные личные местоимения. Однако, как уже говорилось выше, эти местоимения выписывались крайне редко — чаще всего они опускались, находя выражение в сказуемом посредством соответствующих личных показателей. Пока мне известен только один пример, в котором личное местоимение, функционирующее в подобном качестве, оказалось названным.

17. *a-ne-ne dumu-ennegⁱki dumu-uri^{ki}-ma-me-ěš en-da GIŠ.BI.IZ-za-x mu-da-lá-ne* (Šulgi D 373–374). «Они (*они — жители Эннеги (и) жители Ура*) по команде владыки работают веслами».

Здесь находящееся в начале сообщения личное местоимение 3 л. мн.ч. *a-ne-ne* входит в состав основного предложения и поясняется расположенным непосредственно за ним связочным вставным с неназванным подлежащим *dumu-ennegⁱki dumu-uri^{ki}-ma-me-ěš*. В роли подлежащего вставного предложения выступает то же местоимение, но оно опускается, поскольку находит выражение в сказуемом в виде связки 3 л. мн.ч. */-meš/*. В случае пропуска личного местоимения *a-ne-ne* и в основном предложении вставное предложение в виде имени, снабженного связкой, оказалось бы в начале сообщения¹¹ и наш пример выглядел бы так: *dumu-ennegⁱki dumu-uri^{ki}-ma-me-ěš en-da GIŠ.BI.IZ-za-x mu-da-lá-ne*.

В исследуемых текстах обнаружены имена, оформленные энклитической глагольной связкой и расположенные в начале предложения. Приведем примеры.

18. *^den-ki-me-en má-darà-abzu-gá á ša-ma-ni-ib-ág-e* (EWO 115). «(Мне) (*я — бог Энки*) в моей лодке (по имени) Дараабзу он дал указание».

Словоформа *^den-ki-me-en*, с которой начинается сообщение, представляет собой имя собственное *^den-ki*, снабженное энклитической глагольной связкой 1 л. ед.ч. */-men/*. Само личное местоимение 1 л. ед.ч., показателем которого в сказуемом *en-ki-me-en* служит связка, опущено. Присутствие в финитной глагольной форме *ša-ma-ni-ib-ág-e* (*ša-mu-?a-ni-b-ág-e*) пространственного префикса 1 л. ед.ч. дательного падежа */-?a-/* свидетельствует о пропуске в предложении еще одного личного местоимения, а именно личного местоимения 1 л. ед.ч. в дательном падеже *gá-e-ra* «мне». По аналогии с примером 17 можно предположить, что это невыписанное местоимение входило в состав основного предложения «мне ... в моей лодке (по имени) Дараабзу он дал указание», располагалось в его начале перед словоформой *^den-ki-me-en* и выступало в роли того члена основного предложения, который пояснялся связочным вставным с неназванным подлежащим, т.е. *^den-ki-me-en*.

Наряду с этим представлен случай, где имя, оформленное связкой и расположенное в начале сообщения, является самостоятельным связочным предложением, а не вставным.

19. [*e*]n-me-en *gá-e ga-gin* (EWO 116). «Я — владыка, я хочу пойти!».

Самостоятельный характер предложения *en-me-en*, состоящего из имени существительного, оформленного энклитической глагольной связкой 1 л. ед.ч. */men/*, подтверждается позицией выписанного личного местоимения 1 л. ед.ч. *gá-e*. В случае употребления этого местоимения в роли члена основного предложения, поясняемого вставным, оно должно было бы находиться перед вставным, т.е. перед *en-me-en*, а не после него, как это имеет место на самом деле.

¹¹ Вставные предложения в силу своего назначения — сообщать новые сведения о члене основного предложения или делать попутные замечания относительно содержания всего основного в целом — могут располагаться только в середине или в конце основного предложения, но никак не в его начале.

Имена, оформленные связкой 1 л. ед.ч. /-men/, присутствуют и в следующих двух примерах. Только в отличие от примеров 18 и 19 они располагаются не в начале основного предложения, а внутри его.

20. ka-tar-gu₁₀ kur-kur-ra si-il-le-dè du₁₀-tuku-me-en usu (Á.KALAG)-gu₁₀ íb-zi-ge (Šulgi A 38–39). «Чтобы хвала мне произносилась во всех (чужеземных) странах, (я) (я — бегун) свои мускулы укрепляю».

В этом примере и поясняемый член основного предложения, и подлежащее связочного вставного выражены личными местоимениями 1 л. ед.ч. В обоих случаях местоимения остаются неназванными. Их опущение компенсируется присутствием в сказуемых соответствующих личных показателей. В глагольной форме *íb-zi-ge* (*i-b-zig-en*) — в виде личного показателя 1 л. ед.ч. /-en/, в связочном сказуемом *du₁₀-tuku-me-en* — в виде связки 1 л. ед.ч. /-men/.

То же самое происходит и в следующем примере.

21. ^dnin-líl ... -ra ^dli-pí-it-eš₄-tár lugal-ki-en-gi-ki-uri-me-en u₄ ni-si-sá ki-en-gi-ki-uri-a i-ni-in-gar-ra-a nam-ti-gu₁₀-šè a mu-na-ru (RIME 4 P. 60:80). «Богине Нинлил ... я (я — Липит-Иштар, царь Шумера (и) Аккада), когда в Шумере (и) Аккаде справедливость установил, ради моей жизни (эту вещь) посвятил».

Здесь неназванные личные местоимения 1 л. ед.ч. выражены: в сказуемом основного предложения *a mu-na-ru* (*a mu-na-?-ru*) — личным показателем 1 л. ед.ч. в виде гласного, качество которого пока не определено, в связочном сказуемом вставного предложения ^dli-pí-it-eš₄-tár lugal-ki-en-gi-ki-uri-me-en — с помощью связки 1 л. ед.ч. /-men/.

В примерах 18, 20, 21 поясняемые члены основных предложений выражены личными местоимениями 1 л. ед.ч. Помимо вставных предложений существовал и иной способ передачи новых сведений о члене предложения, а именно через употребление имен, присоединяемых к поясняемому ими слову по принципу приложения. По отношению к личному местоимению 1 л. ед.ч. подобный способ сообщения новых данных засвидетельствован только один раз.

22. ge₂₆ ^dnin-gír-su a-huš gi₄-a (Gud. Cyl. A IX 20). «Я, Нингирсу, отвративший яростные воды».

Как уже говорилось, эти способы различались по степени эмоционального включения автора в описываемое событие. Та информация, что сообщалась посредством приложения, носила нейтральный характер, а та, что передавалась с помощью связочного вставного, расценивалась как важная в коммуникативном плане часть высказывания, поскольку в шумерском связка служила и средством выражения эмфазы.

Если предположить, что с течением времени имена, снабженные связкой 1 л. ед.ч., перестали восприниматься как вставные предложения, то выделительная функция связки несомненно сохранилась, поэтому конструкции типа ^den-ki-me-en стоит переводить как «(я), а именно Энки».

В этой связи приведем пример из царской надписи, в которой повествование ведется не от 1 л. (как в примере 21, что также происходит из царской надписи), а от 3-го, и все эпитеты, относящиеся к центральному персонажу (царю), присоединяются к имени собственному царя как приложения. Отсутствие связки говорит о более сдержанной манере повествования.

23. ^dli-pí-it-eš₄-tár sipa-sun₅-na-nibru^{ki} engar-zi-uri₅^{ki} mùš-nu-túm-mu-eridu^{ki}-ga en me-te-unu^{ki}-ga lugal-i-si-in^{ki}-na lugal-ki-en-gi-ki-uri šà-ge DU-a-^dinanna-ke₄ é-gi₆-pàr PN ... dumu-ki-ág-gá-ni-ir u₄ ni-si-sá ki-en-gi-ki-uri-a i-ni-in-gar-ra-a šà-uri₅^{ki}-ma-ka mu-na-dù (RIME 4 P. 58:6). «Липит-Иштар, смиренный пастырь Ниппура, истинный земледелец Ура, постоянный (кормилец) Эриду, жрец „эн“, подходящий для Ура, царь Исина,

царь Шумера (и) Аккада, любимец Инанны, дом „гипар“ для имярека, своей любимой дочери, когда справедливость в Шумере (и) Аккаде установил, в середине Ура построил».

В исследуемых текстах позднешумерского периода засвидетельствованы примеры, в которых представлены предложения, расположенные в конце другого и совпадающие со вставными по своему содержанию и отсутствию грамматически выраженной связи с предшествующим предложением. Показалось уместным, не решая вопрос об их классификации, привести некоторые из них и попытаться, насколько это возможно, понять, чем руководствовались составители текстов, располагая их на этой позиции.

Вынос вставного предложения в конец основного в других языках может связываться, например, со стремлением автора придать содержащейся в нем информации большую смысловую нагрузку. Вполне возможно, что именно этим соображением руководствовались авторы в следующих примерах.

24. a šà-ga šu ba-ni-in-ti *a^{-d7} en-ki-ga-kam (a^{-d7} en-ki-ak-am)* (EN 18:16). «Семя в утробу она приняла. (Оно) — семя бога Энки».

25. kalam-ma ga-ba-ra-hum im-ma-an-šub *nì lú nu-zu-a nì igi nu-gál-la inim nu-gál-la nì šu nu-te-gá-dam* (LDSU 65–66). «Мятеж на страну он наслал. (Он) — вещь, что люди не знают, (он) — вещь невиданная (и) названия не имеющая, (он) — вещь непостижимая».

В этом примере сообщение завершается цепочкой связочных предложений с неназванным подлежащим. Выписывание связки /-am/ только в сказуемом последнего предложения *šu nu-te-gá-dam (šu nu-teg-ed-am)* можно объяснить существующим в шумерском правилем, согласно которому в ряду однородных членов (в нашем случае однородных сказуемых) общий для всех грамматический формант (связка) выписывается только при последнем из них.

В примерах 24 и 25 предложения, расположенные в конце сообщения, структурно идентичны связочным вставным с неназванным подлежащим. Особенно наглядно демонстрируют это сходство следующие два примера, в которых именная часть сказуемых во вставных предложениях, как и в примере 25, выражена именем *nì* «вещь».

26. *inim^d en-líl-lá nì-gu-la-àm sag-za an-dùl-éš hé-am-aka* (Šulgi X 124). «Слово Энлиля (оно — вещь значимая) пусть станет защитной сенью над твоей головой!».

27. *nam-tar-ga-bi nì nu-kúr-ru-dam (nu-kúr-ed-am) a-ba mi-ni-íb-bal-e* (LDSU 56). «Тякую судьбу (она — вещь, которую нельзя изменить) кто нарушит?».

В некоторых случаях содержание предложений, занимающих позицию в конце сообщения, можно расценивать как авторский комментарий.

28. *^den-ki ... en-eridu^{ki} ga-ke₄ ka-ba eme ì-kúr en-na mi-ni-in-gar-ra eme nam-lù-ulù-ta aš ì-me-[a]* (ELA 150–155). «Энки... владыка Эриду, в их устах языки сделал разными. До того как он это устроил, язык у людей был единым». Выделенное курсивом предложение по своей структуре — сложноподчиненное с придаточным времени. Связь придаточного с главным осуществляется с помощью союза *en-na* «до того как» с одновременной номинализацией сказуемого придаточной части *mi-ni-in-gar-ra (mi-ni-n-gar-a)* показателем номинализации /-a/.

29. *en-kul-aba₄^{ki}-a-ke₄ im-e šu bí-in-ra inim dub-gin₇ b[í-i]n-gub u₄-bi-ta inim im-ma gub-bu nu-ub-ta-gál-la ì-ne-šè^d utu u₄-dè-a ur₃ hé-en-na-nam-ma-àm en-kul-aba₄^{ki}-a-ke₄ ini[m dub-gin₇ b]í-i-n-gub ur₃ h[é-en-na]-nam-ma* (ELA 503–506). «Владыка Кулаба прикоснулся к глине, на ней, как на (настоящей) табличке, послание поместил. Раньше послание, помещенное на глину, — (вещь) небывалая. Теперь, когда благодаря Уту наступил день, (это) воистину так стало. Владыка Кулаба послание как на (настоящей) табличке поместил. (Это) так воистину стало».

Приведенный ниже пример, взятый из текста предшествующего новошумерского периода, не был учтен раньше. Содержащаяся в нем речь бога Нингирсу, обращенная к строителю храма, правителю Лагаша Гудее, завершается предложением, представляющим собой, скорее всего, уточнение, вносимое самим говорящим.

30. mu-bi-e an-zà-ta kur-kur-re gú im-ma-si-si *má-gan me-luh-ha kur-bi-ta im-ma-ta-e₁₁-dè* (Gud. Сул. А IX 18–19). «К его (т.е. построенного храма) имени от (самого) края небес соберутся все страны — (даже) *Маган (и) Мелухха спустятся со своих гор*».

Итак, в текстах позднешумерского периода, как и в текстах предшествующих старошумерского и новошумерского, продолжал использоваться прием вставки в предложение добавочных замечаний, попутных уточнений, разъясняющих содержание предложения в целом или его отдельного члена. Это осуществлялось с помощью вставных предложений.

Для определения вставочного характера предложения используются те же критерии, что и в ранее опубликованных статьях о вставных предложениях: вставные предложения разрывают синтаксическую одноплановость сообщения, и их связь со всем сообщением не получает грамматического выражения. Даже в тех случаях, когда в организации связи вставочного предложения с основным участвуют подчинительные союзы (как это, по всей вероятности, имеет место в примере 2), вставные предложения отличаются от придаточных большей смысловой и синтаксической самостоятельностью, а их связь с основным предложением независимо от значения союза носит оттенок присоединительного значения.

На основе перечисленных критериев легко вычлениаются вставные предложения, занимающие позицию внутри основного. Что касается тех предложений, которые располагаются на исходе другого, но по своему содержанию и отсутствию грамматически выраженной связи с предшествующим предложением близки вставным, то они приведены отдельно в конце статьи.

В исследуемых текстах позднешумерского периода представлены те же типы вставных предложений, что и в текстах предшествующих периодов, а именно: предложения с двумя названными компонентами — подлежащим и сказуемым и предложения с неназванным подлежащим. И те и другие предложения в зависимости от вида сказуемого могут быть глагольными или связочными.

В текстах, привлеченных здесь в качестве материала, наблюдается опущение личных местоимений 1 л. ед.ч., выполняющих одновременно роль поясняемого члена основного и подлежащего связочного вставного предложения. Пропуск местоимений компенсируется присутствием в сказуемых соответствующих личных показателей. В связочных вставных предложениях личным показателем неназванного подлежащего служит глагольная связка. Вполне возможно, что в подобном контексте связка не только выполняет предикативную функцию, но и используется как средство выделения того имени, которое она оформляет.

Связочные вставные предложения с неназванным подлежащим, выраженным личным местоимением 1 л. ед.ч., засвидетельствованы как в начале основного (пример 18), так и в его середине (примеры 20, 21).

Список сокращений

AWL — *Bauer J. Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch. Rom, 1972.*

CA — *Cooper J. The Curse of Agade. Baltimore London: The John Hopkins University Press, 1983.*

ELA — *Cohen S. Enmerkar and the Lord of Aratta. (Dissertation). University of Pennsylvania, 1973.*

- EN — *Attinger P.* Enki et Ninhursaga // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Berlin, 1984. 74. I. Halbband. 1–52.
- EWO — *Benito C.A.* Enki and the World Order. (Dissertation). University of Pennsylvania, 1969. 77–162.
- GEN — *Shaffer A.* Gilgameš, Enkidu and the Netherworld. Sumerian Sources of Tablet XII of the Epic of Gilgameš. (Dissertation). University of Pennsylvania, 1963.
- IE — *Farber-Flügge G.* Der Mythos «Inanna und Enki» unter besonderer Berücksichtigung der Liste der me // Studia Pohl. 10. Rome, 1973.
- LDSU — *Michalowski P.* The Lamentation over the Destruction of Sumer and Ur. Winona Lake: Eisenbrauns, 1989.
- LE — *Wilcke C.* Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.
- MNS — *Sjöberg Å.W.* Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung. Stockholm, 1960.
- NG — *Falkenstein A.* Die neusumerischen Gerichtsurkunden. II. München, 1956.
- RIME 2 — *Frayne D.* Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 DC) // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 2. Toronto, 1993.
- RIME 4 — *Frayne D.* Old Babylonian Period // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 4. Toronto, 1990.

Литература

- Рифтин А.П.* Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.–Л., 1937.
- Gud. Cyl. A., Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 3/1. Toronto, 1997. 69–88.
- Jagersma A.* A Descriptive Grammar of Sumerian. Ph. D., Universiteit Leiden <http://hdl.handle.net/1887/16107>.
- Šulgi A, *Klein J.* Three Šulgi Hymns. Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur. Ramat-Gan, 1981. 167–217.
- Šulgi D, *Klein J.* Three Šulgi Hymns... 50–123.
- Šulgi X, *Klein J.* Three Šulgi Hymns... 124–166.

Summary

I.T. Kaneva

Parenthetic Clauses in Sumerian (Based on Texts of Old Babylonian Period, 2000–1600 BC)

The method of including additional information about a member of sentence in the form of a parenthesis is often used in texts of Old Babylonian period.

Types of parenthetic clauses in documents of this period differ in number of components (sentences with two components — subject and predicate — and sentences with an unnamed subject) and in type of predicate (verbal and copular).

The subject of a parenthetic clause is omitted in case when it is expressed by a personal pronoun. Such kind of omission becomes a standard for the Sumerian language because personal pronouns are normally expressed by corresponding personal affixes in the predicate.

At the end of this article the author analyses sentences which cannot be decidedly interpreted as parenthetic clauses.